

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.1
EDN: AVGXTS

А.В. РЕЗАЕВ¹, А.М. СТЕПАНОВ², Н.Д. ТРЕГУБОВА²

¹ Ташкентский государственный экономический университет.
100066, Узбекистан, Ташкент, ул. Ислама Каримова, 49.

² Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

МЕЖДУ ПОЗИТИВИЗМОМ И РЕЛЯТИВИЗМОМ: МЕСТО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В последние годы в русскоязычной социологии возникает интерес к осмыслению исторических процессов на макросоциальном, региональном и глобальном уровнях. Это выражается, в частности, в организации дискуссии и переводов ключевых работ по сравнительно-исторической социологии. Настоящая статья нацелена на то, чтобы, в ответ на возникающий интерес исследователей, более четко зафиксировать место сравнительно-исторической социологии в структуре современного социального знания. Авторы формулируют и стремятся обосновать тезис, что сравнительно-историческая социология предоставляет социальным ученым наиболее перспективную методологию для исследования социальных изменений в современном мире. Важное внимание уделяется особенностям и конкурентным преимуществам сравнительно-исторической социологии в сопоставлении с двумя наиболее популярными методологическими ориентациями: цивилизационным анализом и теориями модернизации. Статья включает обсуждение проблемы исследования социальных трансформаций в работах классиков социологии и современных теоретиков, исторический экскурс в развитие сравнительно-исторической социологии, а также проблематизацию современных попыток построения «незападных социологий» и их соотношения со сравнительно-историческим методом.

На основании концептуальной модели Н. Смелзера авторы определяют место сравнительно-исторической социологии как промежуточную позицию между радикальным позитивизмом (поиск универсальных законов) и радикальным релятивизмом (отрицание возможности сравнений). Эта позиция позволяет формулировать обобщения среднего уровня, учитывающие историческую специфику, но не отказывающиеся от каузального анализа.

В заключении содержание статьи обобщается в десяти тезисах и контртезисах о прошлом, настоящем и будущем сравнительно-исторической социологии.

Ключевые слова: сравнительно-историческая социология; социальные изменения; цивилизационный анализ; теории модернизации; теория множественных современностей.

Для цитирования: Резаев А.В., Степанов А.М., Трегубова Н.Д. Между позитивизмом и релятивизмом: место сравнительно-исторической социологии в структуре социального знания // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 12–30. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.1 EDN: AVGXTS

Постановка проблемы

В 2024 г. в третьем номере журнала «Социология власти» состоялась дискуссия о судьбах исторической социологии в России и в мире [15]. Его авторы обращают внимание на двойственную ситуацию: с одной стороны, историческая социология — уважаемое и перспективное направление исследований с ясно выраженными конкурентными преимуществами; с другой стороны, в международной науке ее практикуют не так уж много исследователей, а в России она представлена отдельными энтузиастами. Причем значительную часть их деятельности составляет перевод на русский язык классиков исторической социологии — М. Манна, Т. Скочпол, Ч. Тилли, Р. Коллинза и др. Представленная дискуссия содержит довольно полную картину аргументов «за» и «против» исторической социологии, где «за» относится в основном к ее эвристическим возможностям, «против» — к трудностям реализации (сравнительно-)исторических исследований в социологической науке.

Параллельно с этим в русскоязычной социальной науке развиваются еще несколько тенденций. Во-первых, это разворот к цивилизационному анализу, представленный в работах М.В. Масловского, Р.Г. Браславского и некоторых других исследователей [6; 7; 25; 26]. Во-вторых, это уже институционализированная в рамках НИУ ВШЭ школа сравнительных количественных исследований, связанная с именами Р. Инглхарта и К. Вейцеля и их концепцией модернизации [12; 13]¹. В-третьих, следует указать на нарастающий интерес к «Южной теории» [18], которая представляет собой попытку поиска концептуальных оснований для анализа незападных обществ в сравнении с тем, что представляет классическая социология.

В рамках настоящей статьи мы бы хотели, не ставя перед собой задачу дублировать или резюмировать аргументацию существующих дискуссий, более четко зафиксировать место сравнительно-исторической социологии в структуре современного социального знания, учитывая названные выше тенденции. Цель статьи состоит в том, чтобы раскрыть тезис: сравнительно-историческая социология предоставляет социальным ученым наиболее перспективную методологию для исследования социальных изменений в современном мире. При этом мы будем опираться на идеи о том, что есть сравнительная социология, содержащиеся в наших предыдущих работах [31; 32; 52].

---

¹ См. также публикации Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Франклина Инглхарта: URL: <https://lcsr.hse.ru/publ> (дата обращения 23.06.2023).

Статья организована следующим образом. Мы начнем с постановки проблемы об исследовании социальных трансформаций в социологии у классиков и современников. За этим последует краткий экскурс в историю и современное состояние сравнительно-исторической социологии. Далее критически проанализируем дискуссии между сравнительно-исторической социологией, как она представлена в работах классиков ее «золотого века» [16], и одним из ее наиболее перспективных «конкурентов» — теорией множественных современностей в версии С.А. Арджоманда, синтезирующей теорию модернизации и цивилизационный анализ. В заключение подведем итог проведенному нами анализу в десяти тезисах и контртезисах о прошлом, настоящем и будущем сравнительно-исторической социологии.

Однако вначале следует прояснить соотношение понятий «историческая социология» и «сравнительно-историческая социология». Существует исследовательская традиция, в которой данные понятия рассматриваются как синонимы, однако мы примыкаем к другой позиции, согласно которой можно заниматься исторической социологией, не занимаясь сравнительно-исторической социологией. Определяющей чертой исследований в рамках исторической социологии является внимание к временным характеристикам социальных процессов², которое вовсе не обязательно предполагает сравнение. Вместе с тем значительная часть исторических социологов обращались и обращаются к крупномасштабным сравнениям обществ, государств, культур. В настоящей статье мы будем рассматривать именно эту область исторической социологии.

Классики, современники и проблема осмысления социальных трансформаций

Актуальность сравнительно-исторической социологии для современного социального знания определяется теоретико-методологическими затруднениями, с которыми сталкиваются исследователи. С одной стороны, имеет место ситуация фрагментации знания: отдельные темы и направления развиваются, но полученные по ним выводы (пусть достоверные) имеют весьма ограниченное применение за пределами узкой области исследований. С другой стороны, наблюдается некоторый застой в социальной теории, а также разрыв между теми, кто создает сложную теорию, и теми, кто проводит эмпирические исследования на основании простых, часто устаревших концептуальных схем³. Одно из следствий данной ситуации заключается в проблеме определения ключевых характеристик социальной реальности, в которой мы живем. Терминология, которая используется, чтобы зафиксировать новую реальность, практически полностью сводится к определению ее либо как пришедшей на смену старой (пост-коммунизм, пост-социализм, пост-фордизм, пост-модернизм, пост-колониализм), либо через «размывание» старого («гибкая», «текучая» современность).

² См. ставшую классической типологию проблематизации времени в социологическом исследовании в работе У. Сьюэлла [53].

³ На примере миграционных исследований данную проблему рассматривает П.П. Лисицын [22].

Та же проблема — проблема схватывания, называния, выделения определяющих черт новой реальности — стояла перед классиками социологии. Постановка проблемы необходимости сравнительно-исторического анализа для выделения ключевых свойств новых реалий не является новой. Г. Эспинг-Андерсен [42] утверждал, что сегодня, не имея целостной картины происходящих изменений, мы, подобно классикам, можем только выделять и сравнивать возникающие тенденции, а также сопоставлять их с феноменами старого, привычного нам общества. Вопрос заключается в том, *как именно* осуществлять сравнения. Мы предполагаем, что на современном этапе этой задаче больше всего соответствует методологический потенциал сравнительно-исторической социологии.

Сравнительно-историческая социология возникает как реакция на критику исторического анализа, представленного в работах К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма. Рассуждения классиков вызывали упреки в этноцентризме (следовании дихотомии *the West vs the Rest*, Запад и «остальной мир»), в сведении многообразия исторических траекторий к линейному развитию и к бинарным оппозициям (механическая — органическая солидарность, общность — общество, феодализм — капитализм и др.). При этом последующее развитие социальных наук только усилило эти проблемы. Большая часть социологов отказались от рассмотрения исторических процессов и стали заниматься «мелкотемьем» [20], а многие из тех, кто стремился осмыслить социальную реальность в историческом движении, лишь усугубили проблемы классической мысли, создавая, по сути, карикатуру на них. Прежде всего, это ранние теории модернизации и догматический марксизм-ленинизм. Именно как ответ на данное положение в 1960–1970-е гг. возникает сравнительно-историческая социология, которая переосмысливает наследие классиков, чтобы вернуть в социологию историческое измерение [16].

Однако начиная с 1990-х гг. популярными становятся иные теории и подходы. С одной стороны, это такие направления социогуманитарного знания, как постколониальные исследования, исследования множественных современностей, цивилизационный анализ, культурная история, исследования памяти. С другой стороны, это теории глобализации. В отличие от сравнительно-исторической социологии данные направления сосредоточены главным образом на культурных факторах и работают с одним уровнем анализа (нации, цивилизации, мир в целом)⁴.

С конца 2000-х гг. в социальные науки проникает новый тренд — ориентация на сложные методы работы с данными, в частности, с «большими данными» и алгоритмами искусственного интеллекта (ИИ). Среди новых методов есть те, которые позволяют формально анализировать временное измерение социальных процессов, но нет методологии исследования социальных изменений. По сути, это возвращение на новом витке к «мелкотемью» мейнстримной социологии. Более того, прогнозы, основанные на поисках трендов с помощью инструментов ИИ, уводят нас к представлению о будущем, характерному для донаучных способов работы со временем [48]. Принцип исторической социологии состоит в том, чтобы выделять важные события в исторические моменты, когда открываются структуры

⁴ Взгляд европейского исследователя на ситуацию в сравнительно-исторической социологии и направления ее развития в условиях вызовов глобализации представлен в статье В. Шпона [40]. Можно заметить, что понимание европейским автором «исторической и сравнительной социологии» является более широким, нежели «сравнительно-историческая социология» преимущественно американской дискуссии, к разбору которой мы обратимся далее.

возможностей, и анализировать последовательности происходящих событий [20]. Поиск паттернов в данных, по-видимому, этому противоположен, поскольку не предполагает либо минимизирует работу исследователя при различении важного и неважного, осмысленного и бессмысленного.

Сравнительно-историческая социология: субдисциплина или методология исследования?

Что представляет собой сравнительно-историческая социология, и каков ее потенциал в определении ключевых характеристик социальных трансформаций, происходящих сегодня?

Для русскоязычного социального ученого сравнительно-историческая социология еще недавно была малоизвестной областью⁵. В последние годы эта ситуация постепенно меняется: стоит упомянуть переводы таких ключевых исследователей, как Р. Лахман [19; 21], Ч. Тилли [37; 38; 39], Р. Коллинз [17], Б. Мур [30], Т. Скочпол [36], М. Манн [23; 24], а также перевод дебатов между С. Арджомандом и его коллегами [1; 9; 27], которые мы рассмотрим в следующем разделе. В ведущих отечественных журналах, таких как «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Мир России», «Журнал социологии и социальной антропологии», публикуются статьи по исторической социологии. Следует отдельно указать на дискуссию между Н. Розовым [34; 35] (кроме того, см. [33]) и Б. Мироновым [28; 29], а также на уже упоминавшийся специальный выпуск «Социологии власти» [11; 14; 15]. Наконец, недавняя дискуссия о «научности» исторической социологии между Д.Я. Травиным, Д.А. Коцюбинским и А.П. Заостровцевым на страницах журнала «Город 812» свидетельствует о том, что данная проблематика может приобретать неожиданные публичные/публицистические оттенки⁶. Вместе с тем в России сравнительно-историческая социология пока остается слабо институционализированной областью исследований.

⁵ Например, поиски русскоязычной литературы по одному из ключевых понятий — *path-dependence* («эффект колеи», или «инерционное развитие») [51] приводят прежде всего к текстам экономистов, которые используют его в контексте теорий модернизации. Характерным примером служит статья А. Аузана [4], в которой ученый сначала дает определение *path-dependence* в духе сравнительно-исторической социологии, а потом переходит к обсуждению траекторий модернизации разных стран, что предполагает иную логику анализа.

⁶ Заостровцев А. История шиворот-навыворот: как мы дошли от Ельцина до Батыя. — URL: <https://gorod-812.ru/istoriya-shivorot-navyvorot-kak-my-doshli-ot-elczina-do-batyia/> (дата обращения 10.11.2025); Коцюбинский Д. Историческая социология — очередная лженаука? — URL: <https://gorod-812.ru/istoricheskaya-socziologiya-ocherednaya-lzhenauka/> (дата обращения 10.11.2025); Травин Д. «Лженаука» с точки зрения «лжеученого» (ответ Д.А. Коцюбинскому). — URL: <https://gorod-812.ru/lzhenauka-s-tochki-zreniya-lzheuchenogo-otvet-d-a-koczyubinskomu/> (дата обращения 10.11.2025); Коцюбинский Д. От «лжеученого» — истинному историческому социологу! — URL: <https://gorod-812.ru/ot-lzheuchenogo-istinnomu-istoricheskomu-socziologu/> (дата обращения 10.11.2025); Заостровцев А. Как поспорил Даниил Александрович с Дмитрием Яковлевичем. — URL: <https://gorod-812.ru/kak-posporil-daniil-aleksandrovich-s-dmitriem-yakovlevichem/> (дата обращения 10.11.2025). В рамках данной статьи представляет интерес, что сущность и значение исторической социологии определяются участниками дискуссии в соотношении с теми же двумя направлениями, которые рассматриваем мы, — цивилизационным анализом и исследованиями модернизации. Причем все три участника дискуссии понимают это соотношение по-разному.

Сравнительно-историческую социологию можно характеризовать по разным основаниям, наиболее важными из которых представляются: а) специфическое переопределение наследия классиков социологии; б) особая логика анализа и характер исследовательских вопросов; в) отношения со сравнительной социологией и исторической социологией; г) институционализированная исследовательская традиция. С точки зрения первых трех критериев сравнительно-историческую социологию следует характеризовать как особую методологию исследования; с точки зрения последнего — как субдисциплину социологии.

Как мы отметили выше, сравнительно-историческая (макро)социология возникает в 1960-1970-е гг. как набор исследовательских направлений, которые стремятся преодолеть ограничения линейных теорий модернизации и критически переосмыслить наследие классиков — прежде всего К. Маркса и М. Вебера — и их способы работы с историческим материалом. Исследования сравнительно-исторических социологов «золотого века макроисторической социологии» [16] — М. Манна, Ч. Тилли, Т. Скочпол, И. Валлерстайна и др. — были посвящены реконструкции и сравнению исторических последовательностей, которые привели к формированию социального устройства современного (*modern*) мира. Эти исследования опираются на работы историков по конкретным временным периодам и событиям, однако их отличает более широкая теоретическая перспектива — авторы стремятся объяснить, почему что-то где-то произошло, в то время как в другом месте в другое время этого не произошло. В отличие от теорий модернизации, сравнительно-историческая социология предполагает иную концептуализацию временных процессов — не как детерминированное однонаправленное развитие, а как сложный процесс, который является следствием сочетания разных условий, причем эти условия — политические, экономические, религиозные — существуют и оказывают воздействие относительно независимо друг от друга.

Таким образом, сравнительно-историческая социология предлагает особую логику и методологию анализа социальных процессов. Следует отметить, что с этой логикой сочетаются почти любые теоретические основания — в той мере, в какой они способны учитывать многообразие факторов, действующих в социальной жизни. В этом отношении сравнительно-историческая социология находится на пересечении сравнительной и исторической социологий. С одной стороны, она представляет собой особый способ реализации сравнительного исследования и использует сравнение для выявления причинно-следственных связей между историческими феноменами [32]. С другой стороны, сравнительно-историческую социологию можно рассматривать как часть исторической социологии, которая исследует социальные процессы во временном измерении [20]. Это позволяет сравнительно-историческим социологам проблематизировать временные и пространственные характеристики социальных процессов, причем не только в прошлом, но и в настоящем и будущем.

Тем не менее, несмотря на универсальный характер методологии, с точки зрения организации сравнительно-историческая социология представляет собой субдисциплину социологии, преимущественно американской. Основные ее авторы сосредоточены в университетах США, работают в рамках соответствующей секции

Американской социологической ассоциации⁷, а их работы главным образом посвящены исследованию социально-политических процессов прошлого. Секция выпускает издание *Trajectories*⁸ и присуждает ряд призов: за лучшую книгу, за лучшую статью, за лучшую диссертацию и др.⁹ Внутри американской социологии данное направление не входит в исследовательский мейнстрим — это узкое, хотя и авторитетное направление, публикации в рамках которого нечасто, но регулярно появляются на страницах двух ведущих журналов — *American Sociological Review* и *American Journal of Sociology*.

Можно видеть, что сравнительно-историческая социология представляет собой одновременно универсальную методологию исследования и институционально ограниченную субдисциплину. Это позволяет фиксировать разрыв между потенциалом данного направления и его актуализацией в исследовательской практике.

Сравнительно-историческая социология и ее критики

Каковы же преимущества сравнительно-исторической социологии в сопоставлении с другими способами осмысления социальных изменений? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу дискуссии о современном состоянии сравнительно-исторической социологии 2011 г. в *Trajectories*, издании секции сравнительной и исторической социологии Американской социологической ассоциации¹⁰. Ее инициатором стал Саид Амир Арджоманд [44], ответные реплики принадлежали Джеймсу Махони [50], Эммануилу Валлерстайну [56] и Эдварду Тирикьяну [55]. В 2013 г. Арджоманд развернуто изложил свою позицию относительно роли сравнительной социологии в современном мире, продолжая критику сравнительно-исторической социологии [43]¹¹. Данная дискуссия обобщает ар-

---

⁷ В отличие от Американской, в Международной социологической ассоциации сегодня нет специального подразделения сравнительно-исторических социологов, но есть исследовательские комитеты по сравнительной социологии и по исторической социологии. В 2003 г. в рамках Международной социологической ассоциации была создана тематическая группа по исторической и сравнительной социологии, которая в 2010 г. трансформировалась в рабочую группу «Историческая и сравнительная социология». В 2016 г. она была преобразована в исследовательский комитет «Историческая социология», причем название было изменено главным образом в результате возражений со стороны руководства исследовательского комитета «Сравнительная социология». Обзор публикаций исследовательского комитета «Историческая социология» (например, см: URL: <https://www.isa-sociology.org/uploads/imagen/2167-rc56newsletter-april-2025.pdf> (дата обращения 23.06.2025) свидетельствует о том, что историческая социология характеризуется здесь преимущественно через внимание к временным процессам в рамках популярных сегодня критических, постколониальных и цивилизационных исследований. Вместе с тем неверно было бы утверждать, что сравнительно-исторические исследования в рамках Международной социологической ассоциации являются полностью маргинальными.

⁸ *Trajectories* // *Comparative and Historical Sociology*. Section of the American Sociological Association. — URL: <http://chs.asa-comparative-historical.org/category/trajectories/> (дата обращения 17.11.2025).

⁹ Awards // *Comparative and Historical Sociology*. Section of the American Sociological Association. — URL: <http://chs.asa-comparative-historical.org/category/awards/> (дата обращения 17.11.2025).

¹⁰ В 2014 г. перевод дебатов на русский язык был опубликован в журнале «Социологические исследования».

¹¹ В 2016 и 2017 гг. в рамках семинарских занятий по курсу “Comparative sociology” проходили обсуждения текста Арджоманда и сопутствующей дискуссии. Авторы выражают благодарность студентам факультета социологии, без участия которых многие аргументы данного раздела не были бы сформулированы в настоящем виде.

гументы и контраргументы, которые могут быть выдвинуты в адрес сравнительно-исторической социологии со стороны иных исследовательских направлений — постколониальных исследований, цивилизационного анализа, исследования множественных современностей, — которые стали популярны в 1990–2000-е гг., после «золотого века макроисторической социологии».

Основной аргумент Арджоманда состоит в следующем: сравнительно-историческая социология не исследует различия, поэтому она не является *сравнительной* и ее следует называть просто «исторической социологией». Сравнительно-исторические социологи используют «западные» теории для исследования «остального мира», не отдавая должное аутентичному опыту других, не-западных регионов. В качестве альтернативного подхода Арджоманд выдвигает теорию множественных современностей, которая позволяет анализировать процессы модернизации в разных регионах мира (цивилизациях), рассматривая их как взаимовлияние традиций внутри региона и между регионами. В этом случае «западная» модернизация — лишь одна из традиций и одна из версий модернизации.

В своей критике сравнительно-исторической социологии Арджоманд исходит из нескольких положений. Во-первых, под «различиями» понимаются культурные различия, преимущественно религиозные и связанные с нациестроительством. Во-вторых, культурные различия являются основным критерием сравнения, поскольку остальные критерии не позволяют учитывать особого опыта цивилизаций. В-третьих, предмет анализа — это взаимовлияние «традиций» и условия, в которых оно имеет место. Как следствие, основным материалом для эмпирического анализа служат тексты, где воплощены традиции. Наконец, автор предполагает существование феномена «современности», и именно по тому, как происходит становление разных «современностей», цивилизации, по его мнению, можно сравнивать.

Как следует оценить аргументацию Арджоманда? Совмещение цивилизационного анализа и теории модернизации — это сильный ход, сглаживающий статичность первого и линейность второй. Поэтому теорию «множественных современностей» можно рассматривать как один из перспективных способов организации сравнительно-исторического анализа. При этом Арджоманд не отрицает принципиальной возможности сравнительно-исторического исследования, в отличие, например, от постмодернистской критики [16]. Он лишь предполагает, что сравнивать нужно по базовому критерию культурных (цивилизационных) различий, а все остальные критерии являются вспомогательными.

Тем не менее необходимо поставить несколько вопросов как относительно критики автора в адрес сравнительно-исторической социологии, так и по поводу предлагаемой им альтернативы.

Базовый контраргумент в ответ на критику Арджоманда заключается в указании на процессуальность исследования [52]. Действительно, сравнительно-исторические социологи используют теории, созданные на материалах исследований преимущественно Западной Европы и США¹². Однако эти теории реконструируются — перерабатываются в ходе анализа не-западных реалий. Неслучайно

¹² Один из наиболее влиятельных исследователей в сравнительной социологии, Нейл Смелзер, признает: «...сравнительный анализ, до настоящего времени, представляет собой наложение западных категорий на не-западные общества» [54]. Однако Смелзер рассматривает этот факт не как принципиальный изъян сравнительной социальной науки, а как историческое обстоятельство, которое может быть преодолено за счет интернационализации науки, особенно за счет совместных сравнительных исследований.

сегодня в сравнительно-исторической социологии распространены исследования «аномальных»/«негативных» кейсов, выделяемых как отклонения от предсказаний определенной теории (см., например: [45; 46; 49]). Здесь также можно провести параллель с «развернутым монографическим исследованием» Майкла Буравого, для которого характерна сходная стратегия — реконструкция теории на эмпирических кейсах [8].

Против подхода, предлагаемого самим Арджомандом, также можно выдвинуть несколько контраргументов:

Во-первых, Арджоманд предлагает критерий культурных различий в качестве основного, тогда как сравнительно-историческая социология рассматривает сочетания условий — экономических, политических, культурных, и именно их «сцепка» приводит к конкретному историческому результату [16]. Сравнительно-историческая социология позволяет учитывать в том числе культурные различия, тогда как подход Арджоманда может приводить к недооценке воздействия иных факторов.

Во-вторых, цивилизация, как и нация, является небесспорным объектом анализа. В конкретном исследовании его использование может быть обоснованным, но утверждать, что цивилизация — единственный допустимый объект сравнительного исследования, значит отрицать исторический характер социальной реальности. Цивилизации представляют собой продукты особого сочетания условий, разворачивающихся в истории, и их длительное существование и культурное единство могут быть иллюзией, характерной для взгляда из настоящего в прошлое [9; 10].

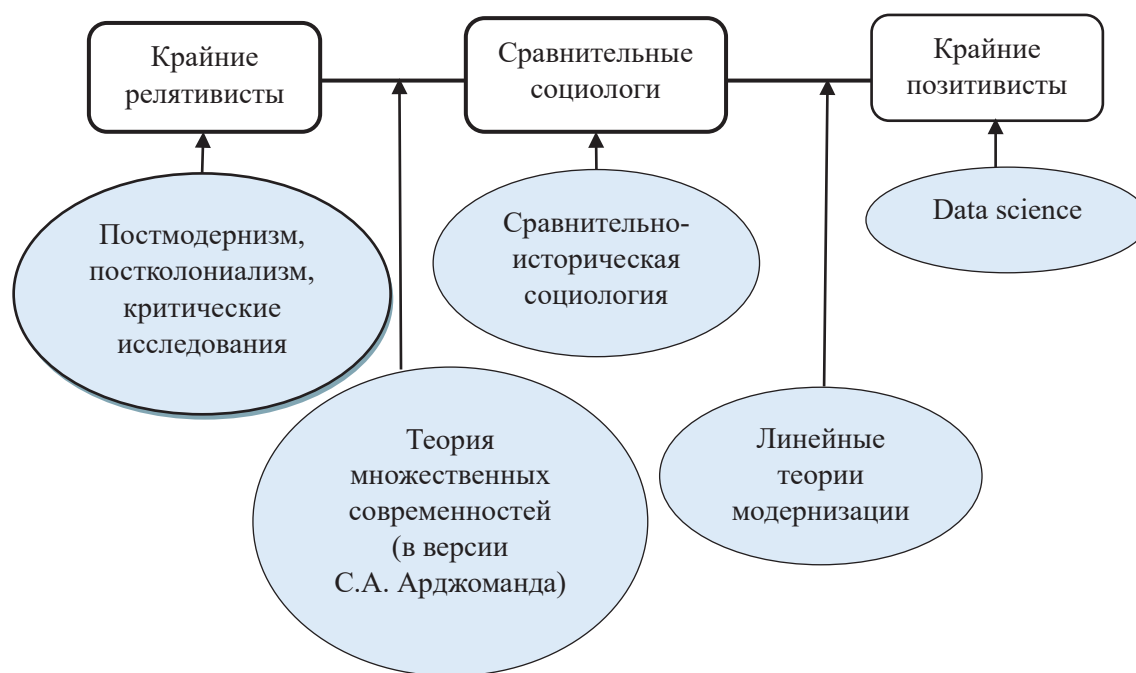
В-третьих, вопрос вызывает реализация эмпирического исследования. Основной объект анализа для Арджоманда — это традиции. Для сбора эмпирических данных это очень часто означает обращение к письменным текстам, которые создаются ограниченным кругом людей. Таким образом, стремясь «дать слово» различным цивилизациям, мы рискуем «лишить слова» значительную часть их населения.

Наконец, представляется, что подход, предлагаемый Арджомандом, способствует замыканию региональных социологий внутри себя, тогда как сравнительно-историческая социология — по крайней мере, потенциально — способствует сотрудничеству и совместным исследованиям между учеными из разных стран и регионов.

Для сопоставления рассматриваемых в данной статье подходов можно использовать концептуальную схему Нейла Смелзера [54]. Ученый проводит собственноручный сравнительный анализ в социологии между позициями крайних релятивистов, отрицающих возможность сравнения, и крайних позитивистов, игнорирующих проблемы сравнимости. Можно заметить, что направления, ставшие популярными в 1990-е гг. и выражающие «культурный поворот» в социальных науках, тяготеют к релятивизму, в то время как мода 2010-х гг. на большие данные и вычислительные методы в социологии представляет собой очередную версию позитивизма. При этом в качестве крайних релятивистов в современной социологии будут выступать постмодернисты, а также радикальные сторонники критических и постколониальных исследований, для которых любой опыт является самоценным и уникальным, а попытка познать его «внешним» образом осмысливается как насилие. В свою оче-

редь, позицию крайних позитивистов сегодня занимают наиболее радикальные сторонники «науки о данных» (*data science*), для которых работа алгоритмов по поиску паттернов и формулированию прогнозов заменяет работу социальных ученых по организации и осмыслению результатов исследования.

Представляется, что положение сравнительно-исторической социологии также можно характеризовать согласно схеме, приведенной на рисунке. Так, теории модернизации окажутся ближе к полюсу крайних позитивистов, допуская сравнительные исследования, но только по четко определенным межстрановым показателям. А теория множественных современностей, в трактовке Арджоманда, окажется ближе к полюсу релятивистов, допуская сравнительное исследование, но только то, в котором базовым критерием выступают культурные (цивилизационные) различия. Такое исследование, разумеется, возможно, и оно подходит для реализации ряда исследовательских задач. Однако, на наш взгляд, данный подход не может быть выдвинут в качестве *единственной* сравнительно-исторической социологии (*the comparative historical sociology*).

Рис. Место сравнительно-исторической социологии в структуре социального знания

Сравнительно-историческая социология «золотого века», линейные теории модернизации и классический цивилизационный анализ представляют собой идеальные типы реализации сравнительно-исторического социального исследования. Теория множественных современностей в версии Арджоманда соединяет элементы модернизационного и цивилизационного анализов в их наиболее «чистом» виде и потому предоставляет удобный объект для сравнения с идеально-типическим исследованием в рамках сравнительно-исторической социологии, позволяя выделить его конкурентные преимущества.

Вместе с тем было бы неверно делать из проведенного анализа вывод о полной оппозиции сравнительно-исторической социологии подходам, основанным на теориях модернизации и цивилизации. Версия цивилизационного анализа,

представленная Арджомандом, не является ни единственной, ни наиболее популярной. Сравнительная аналитика Ш. Эйзенштадта [47] и Й. Арнасона [2; 3] более близка духу сравнительно-исторической социологии; при этом ведущие теоретики цивилизационного анализа никогда не утверждали, что цивилизации — это единственный объект для сравнительного анализа. Обращаясь к современной реализации теорий модернизации, также необходимо выделить исследования, для которых граница между ними и областью сравнительно-исторической социологии является весьма условной. В качестве примера можно привести анализ причин экономического роста таких авторов, как П. Эванс и Дж. Раух [41] и Н. Биггарт и М. Гиллен [5].

Таким образом, на рисунке представлен континуум исследовательских направлений, а не дискретный ряд обособленных областей. Сравнительно-историческая социология, основания которой были заложены в трудах Б. Мура, Т. Скочпол, Ч. Тилли и других классиков, на современном этапе может включать — и включает — достижения иных исследовательских традиций.

Вместо заключения: десять тезисов о прошлом и настоящем сравнительно-исторической социологии

Подходя к завершению настоящего рассуждения, мы фиксируем парадокс, на который обращали внимание и участники дискуссии об исторической социологии 2024 г. Сравнительно-историческая социология, которая предположительно могла бы ответить на вопросы, что происходит с нами здесь-и-сейчас и что будет происходить дальше, преимущественно оказывается не востребовавшейся, закрытой в ограниченном тематическом поле и в локальной исследовательской традиции.

Почему это так? Представляется, что для западного мейнстрима она недостаточно «прогрессивна» (мало обращается к нуждам «угнетенных» и «подчиненных»), чтобы быть популярной с точки зрения содержания, и не обладает достаточно формализованным инструментарием, чтобы быть популярной с точки зрения методологии. Вместе с тем сравнительно-исторические исследования в социологии требуют от исследователя высокой квалификации социолога и (по крайней мере, некоторых) навыков историка, что делает их весьма затруднительными [14].

Изменится ли ситуация в будущем? На данный вопрос сложно дать однозначный ответ. Мы выражаем осторожную надежду, что внимание отечественных ученых к цивилизационному анализу и к макроанализу социально-исторических процессов в целом могло бы подвинуть некоторых из них в сторону сравнительно-исторической социологии.

Завершить настоящую статью мы хотели бы пятью тезисами и пятью контртезисами о сравнительно-исторической социологии, в которых путем авторских обобщений попытались показать ее двойственное положение в рамках современных социальных наук.

Тезисы	Контртезисы
<p>Историческая социология, понимаемая как «социология прошлого», характеризуется лишь спецификой данных. Это анализ исторического материала с помощью социологических теорий, который использует работы историков как «сырой» материал. Такое «разделение труда» между социологией и историей только углубляет дисциплинарный разрыв.</p>	<p>Историческая социология преодолевает одну из «родовых травм» социологии — разделение исторической социальной науки на социологию и историю. Ключевой характеристикой исторической социологии является проблематизация времени.</p>
<p>На уровне сложившейся дисциплинарной организации сравнительно-историческая социология — это субдисциплина социологии, преимущественно американской, связанная с исследованиями социально-политических явлений на макроуровне. Она ограничена как регионально, так и тематически.</p>	<p>Сравнительно-историческая социология возникает на пересечении исторической и сравнительной социологий. Она предполагает универсальный способ сравнительного исследования и концептуализацию социальной реальности в терминах процессов и событий, допуская при этом почти любые теоретические основания.</p>
<p>Историческая социология в целом и сравнительно-историческая социология в частности активно развивались в 1970–1980-е гг., однако уже в 1990-х гг. наступает ее застой.</p>	<p>Эвристический потенциал сравнительно-исторической социологии весьма велик. Она позволяет уйти от этноцентризма и бинарных оппозиций, а также учитывать совместное влияние разных факторов: материальных условий, политической организации, ценностей, форм социальности и т. д. При этом объекты анализа могут быть разными — от мир-системы до государства и локального сообщества.</p>
<p>Сравнительно-историческая социология сталкивается с парадоксом этноцентризма: она стремится анализировать социальные процессы в разных регионах мира, будучи локальной («местечковой») американской исследовательской традицией.</p>	<p>Сравнительно-историческая социология позволяет проблематизировать временные и пространственные характеристики социальных процессов. Она предоставляет методологический инструментарий для анализа становящейся социальной реальности не только в прошлом, но и в настоящем и будущем, не только «здесь», но и «там».</p>
<p>Наиболее распространенные способы исследования социальных изменений сегодня опираются на теории модернизации и/или цивилизационный анализ.</p>	<p>Существует проблема определения ключевых характеристик социальной реальности, в которой мы сегодня живем. Нет терминологии, чтобы зафиксировать новую, становящуюся реальность; вместо этого мы лишь говорим, что она пришла на смену старой (теории (пост-)модерна) или не отличается от старой (цивилизационный анализ). Сравнительно-историческая социология призвана работать именно с этой проблемой.</p>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Резаев Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ташкентский государственный экономический университет. **Телефон:** +998 (90) 817-48-51. **Электронная почта:** rezaev@hotmail.com

Степанов Александр Михайлович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 710-00-77. **Электронная почта:** a.m.stepanov@spbu.ru

Трегубова Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 710-00-77. **Электронная почта:** n.tregubova@spbu.ru

---

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 12–30. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.1

Research Article

ANDREY V. REZAEV¹, ALEXANDER M. STEPANOV², NATALIA D. TREGUBOVA²

¹ Tashkent State University of Economics.

49, Islam Karimov str., 100066, Tashkent, Uzbekistan.

² Saint Petersburg State University.

7-9, Universitetskaya Emb., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation.

BETWEEN POSITIVISM AND RELATIVISM: COMPARATIVE HISTORICAL SOCIOLOGY IN THE STRUCTURE OF CURRENT SOCIAL SCIENCES

Abstract. In recent years, Russian sociology has turned its focus to the understanding of history on macro-social, regional and global scales. Specifically this can be observed in how the discussions and translations of crucial texts are structured in comparative historical sociology.

The purpose of this paper is to look into the role of comparative historical sociology within the context of the development of modern social theories.

The authors formulate and substantiate the thesis that comparative historical sociology provides social scientists with the most promising methodology for studying social change in the modern world. They consider the characteristics and ‘competitive advantages’ of comparative historical sociology in contrast with the two popular methodological frameworks: civilizational analysis and modernization theories.

The paper explores the difficulties when it comes to studying social changes by examining the perspectives of both historical classics of sociology and contemporary thinkers. It provides a historical background on the growth of comparative historical sociology and questions recent endeavors to establish ‘non-Western sociologies’ in relation to the comparative historical method.

The authors, on the basis of N. Smelser’s ideas, present their own model of the relationship between comparative historical sociology and its ‘competitors’ that are two extreme positions: radical positivism and radical relativism.

The article’s conclusion presents ten theses and counter-theses about the past, present and future of comparative historical sociology.

Keywords: comparative historical sociology; social transformation; civilizational analysis; modernization theory; multiple modernities.

For citation: Rezaev, A.V., Stepanov, A.M., Tregubova, N.D. Between Positivism and Relativism: Comparative Historical Sociology in the Structure of Current Social Sciences. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 12–30. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.1

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Rezaev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Philosophy, Tashkent State University of Economics. **Phone:** +998 (90) 817-48-51. **Email:** rezaev@hotmail.com

Alexander M. Stepanov — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology Chair, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 710-00-77. **Email:** a.m.stepanov@spbu.ru
Natalia D. Tregubova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Comparative Sociology Chair, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 710-00-77. **Email:** n.tregubova@spbu.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Аржоманд С.А. Что произошло со «сравнительным» в сравнительной и исторической социологии // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 101–103. EDN: [RXTMRL](#)
Arjomand S.A. What happened to the ‘comparative’ in comparative and historical sociology? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. P. 101–103. (In Russ.)
2. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35. EDN: [PBDTXN](#)
Arnason J. Communism and modernity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 1. P. 10–35. (In Russ.)
3. Арнасон Й. Определение цивилизаций: предварительная модель // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6. С. 53–76. EDN: [VOFVDP](#)
Arnason J. Defining Civilizations: A Provisional Model. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*. 2014. No. 6. P. 53–76. (In Russ.)
4. Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17. EDN: [TJOVMJ](#)
Auzan A.A. Path dependence problem: the evolution of approaches. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 2015. No. 1. P. 3–17. (In Russ.)
5. Биггарт Н., Гуллен М. Выявление различий: социальная организация и формирование автомобильных производств в Южной Корее, Тайване, Испании и Аргентине // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 2. С. 23–55. EDN: [OYOAQB](#)
Biggart N.W., Guillén M. Developing Difference: Social Organization and the Rise of the Auto Industries of South Korea, Taiwan, Spain, and Argentina. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2006. Vol. 7. No. 2. P. 23–55. (In Russ.)
6. Браславский Р., Козловский В. Цивилизационное измерение структурирования обществ // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 148–175. DOI: [10.17323/1728-192X-2021-1-148-175](#) EDN: [PLKOWR](#)
Braslavskiy R., Kozlovskiy V. The Civilizational Dimension of the Structuring of Societies. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 148–175. DOI: [10.17323/1728-192X-2021-1-148-175](#) (In Russ.)
7. Браславский Р.Г. Три волны цивилизационного анализа в социологии // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 8–30. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.3.1](#) EDN: [AGUOSZ](#)
Braslavskiy R.G. Three Waves of Civilizational Analysis in Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 8–30. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.3.1](#) (In Russ.)
8. Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 154–176.
Burawoy M. The extended case method: steering a course between positivism and postmodernism. *Rubezh*. 1997. No. 10–11. P. 154–176. (In Russ.)

9. Валлерстайн И. О сравнении // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 105–107. EDN: [RXTMSF](#)
Wallerstein E. On Comparison. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. P. 105–107. (In Russ.)
10. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // Логос. 2006. Т. 56. № 5. С. 3–8. EDN: [VOZIKB](#)
Wallerstein E. Does India exist? *Logos*. 2006. Vol. 56. No. 5. P. 3–8. (In Russ.)
11. Дмитриев Т.А., Кильдюшов О.В. Россия в перспективе исторической социологии: эвристические перспективы и методологические проблемы // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](#) EDN: [WIAUSJ](#)
Dmitriev T.A., Kildyushov O.V. Russia in the Perspective of Historical Sociology: Heuristic Perspectives and Methodological Problems. *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](#) (In Russ.)
12. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. — 334 с.
Inglehart R. *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Moscow: Mysl publ., 2018. 334 p. (In Russ.)
13. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с. EDN: [QOMHTL](#)
Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatelstvo publ., 2011. 464 p. (In Russ.)
14. Карасев Д.Ю. Как можно понимать и как тогда практиковать историческую социологию // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 35–59. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-35-59](#) EDN: [PJIULZ](#)
Karasev D.Yu. How Historical Sociology can be Taken and how then it Should be Practiced. *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 35–59. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-35-59](#) (In Russ.)
15. Кильдюшов О.В. Между историей и социологией: к проблематике исторической социологии // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 8–13. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-8-13](#) EDN: [QVUNKW](#)
Kildyushov O.V. Between History and Sociology: Towards the Issues of Historical Sociology *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 8–13. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-8-13](#) (In Russ.)
16. Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 72–89.
Collins R. The Golden Age of Macrohistorical Sociology. *Vremya mira*. Iss. 1. Ed. by N.S. Rozov. Novosibirsk, 2000. P. 72–89. (In Russ.)
17. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. и послесл. Н.С. Розова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2015. — 504 с. EDN: [USHTOX](#)
Collins R. *Macrohistory: Essays in sociology of the long run*. Transl. from Eng. and afterword by N.S. Rozov. Moscow: URSS publ.; LENAND publ., 2015. 504 p. (In Russ.)
18. Коннелл Р. Каноны и колонии: глобальный путь развития социологии // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 219–236. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-219-236](#) EDN: [UMNIHA](#)

- Connell R. Canons and Colonies: a Global Trajectory of Sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2023. Vol. 22. No. 3. P. 219–236. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-219-236](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-219-236) (In Russ.)
19. Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего, 2010. — 456 с. EDN: [QPOBQR](#)
Lachmann R. *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. Transl. from Eng. by A. Lazarev. Moscow: Territoriya buduschego publ., 2010. 456 p. (In Russ.)
20. Лахман Р. Что такое историческая социология? // Сравнительная социология: Учебник / Под ред. А.В. Резаева. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 168–178.
Lachmann R. What is historical sociology? *Handbook on Comparative Sociology*. Ed. by A.V. Rezaev. St. Petersburg: Saint Petersburg State University publ., 2015. P. 168–178. (In Russ.)
21. Лахман Р. Что такое историческая социология? / Пер. с англ. М.В. Дондуковского; Под науч. ред. А.А. Смирнова. М.: Издательский дом «Дело», 2016. — 240 с.
Lachmann R. *What Is Historical Sociology?* Transl. from Eng. by M.V. Dondukovsky; Ed. by A.A. Smirnov. Moscow: Delo publ., 2016. 240 p. (In Russ.)
22. Луцицын П.П. Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть I: разногласье // Мир России. 2024. Т. 33. № 3. С. 6–26. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26) EDN: [BAILME](#)
Lisitsyn P. P. From Migration Theory to Migration Policy: Problems and Solutions. Part 1: Problems. *Mir Russii*. 2024. Vol. 33. No. 3. P. 6–26. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-6-26) (In Russ.)
23. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. / [Пер. с англ. А.В. Лазарева.] М.: Издательский дом «Дело», 2018.
Mann M. *The Sources of Social Power*. In 4 vols. Transl. from Eng. by A.V. Lazarev. Moscow: Delo publ., 2018. (In Russ.)
24. Манн М. Тёмная сторона демократии. Объяснение этнических чисток / Пер. с англ. М.: Изд-во «Пятый Рим»; Фонд «Историческая память», 2016. — 934 с.
Mann M. *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Transl. from Eng. Moscow: Pyatyi Rim publ., 2016. 934 p. (In Russ.)
25. Масловский М.В. Современный цивилизационный анализ в исторической социологии: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 3–12. DOI: [10.31857/S013216250018034-0](https://doi.org/10.31857/S013216250018034-0) EDN: [KUACOQ](#)
Maslovskii M.V. Contemporary Civilizational Analysis in Historical Sociology: Problems and Prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 3. P. 3–12. DOI: [10.31857/S013216250018034-0](https://doi.org/10.31857/S013216250018034-0) (In Russ.)
26. Масловский М.В. Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1) EDN: [GNLQEC](#)
Maslovskiy M.V. Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities and the Models of Globalization. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1) (In Russ.)
27. Махони Д. Маргинальна ли сравнительная социология в рамках секций? // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 103–104. EDN: [RXTMRV](#)

- Mahoney J. Is Comparative Sociology Marginal within the Section? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. P. 103–104. (In Russ.)
28. Миронов Б.Н. Логическая игрушка: фантазии на исторические темы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 72–85. EDN: [NCFHRZ](#)
Mironov B.N. Logical game: fantasies on historical themes. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 72–85. (In Russ.)
29. Миронов Б.Н. Расставим все точки над i // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 92–96. EDN: [NCFHST](#)
Mironov B.N. Dotting the i's and crossing the t's. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 92–96. (In Russ.)
30. Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / Пер. с англ. А. Глухова; Науч. ред. Н. Эдельмана. М.: Высшая школа экономики, 2016. — 488 с.
Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Transl. from Eng. by A. Glukhov; Ed. by N. Edelman. Moscow: HSE publ., 2016. 488 p. (In Russ.)
31. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Сравнительная социология: общая характеристика и перспективы развития // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 89–113. DOI: [10.19181/socjour.2014.2.497](#) EDN: [SJUOBH](#)
Rezaev A.V., Starikov V. S., Tregubova N.D. Comparative Sociology: An overall outline and prospects for the future. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2014. No. 2. P. 89–113. DOI: [10.19181/socjour.2014.2.497](#) (In Russ.)
32. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Использование сравнительной методологии в социальной антропологии и социологии: сходства и различия // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 3. С. 53–71. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-3-53-71](#) EDN: [JGAMPJ](#)
Rezaev A.V., Tregubova N.D. On the Similarities and Differences of Comparative Methodology in Social Anthropology and Sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2024. Vol. 23. No. 3. P. 53–71. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-3-53-71](#) (In Russ.)
33. Розов Н.С. «Спор о методе», Школа «анналов» и перспективы социально-исторического познания // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 145–155. EDN: [IPKPRT](#)
Rozov N.S. “Dispute on method”, “Annals” school and perspectives of socio-historical knowledge. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2008. No. 1. P. 145–155. (In Russ.)
34. Розов Н.С. Социальный механизм порождения российских циклов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 48–70. EDN: [NCFHRP](#)
Rozov N.S. Russian historical cycles: a social mechanism for their generation. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 48–70. (In Russ.)
35. Розов Н.С. Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 76–91. EDN: [NCFHSJ](#)
Rozov N.S. Theoretical macrosociology and empirical history: is productive dialogue possible? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 76–91. (In Russ.)
36. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 552 с.
Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Moscow: Gaidar Institute Press publ., 2017. 552 p. (In Russ.)

37. Тилли Ч. Историческая социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 95–101. EDN: [KBDDQB](#)
Tilly C. Historical sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. No. 5. P. 95–101. (In Russ.)
38. Тилли Ч. От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева; Науч. ред. С. Моисеева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 432 с.
Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Transl. from Eng. by D. Karasev; Ed. by S. Moiseev. Moscow: HSE publ., 2019. 432 p. (In Russ.)
39. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. — 328 с.
Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992*. Transl. from Eng. by T.B. Menskaya. Moscow: Territoriya buduschego publ., 2009. 328 p. (In Russ.)
40. Шпон В. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 2. С. 55–69. EDN: [SIZRSN](#)
Spohn W. Historical and Comparative Sociology in a Globalizing World. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. Vol. 17. No. 2. P. 55–69. (In Russ.)
41. Эванс П., Раух Д. Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберизации» государственного аппарата на экономический рост // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 1. С. 38–60. EDN: [OYOALL](#)
Evans P., Rauch J.E. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2006. Vol. 7. No. 1. P. 38–60. (In Russ.)
42. Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 241–266. EDN: [JTRSEH](#)
Esping-Andersen G. Two societies, one sociology and no theory. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2008. Vol. 6. No. 2. P. 241–266. (In Russ.)
43. Arjomand S.A. Multiple Modernities and the Promise of Comparative Sociology. *Worlds of Difference. SAGE studies in international sociology: 61*. Ed. by S.A. Arjomand, E. Reis. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. 2013. P. 15–39. DOI: [10.4135/9781446288085.n2](#)
44. Arjomand S.A. What happened to the ‘comparative’ in comparative and historical sociology? *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 34–36.
45. Cohen M. Historical Sociology’s Puzzle of the Missing Transitions: A Case Study of Early Modern Japan. *American Sociological Review*. 2015. Vol. 80. No. 3. P. 603–625. DOI: [10.1177/0003122415583487](#)
46. Desai M. The Relative Autonomy of Party Practices: A Counterfactual Analysis of Left Party Ascendancy in Kerala, India, 1934–1940. *American Journal of Sociology*. 2002. Vol. 108. No. 3. P. 616–657. DOI: [10.1086/367919](#)
47. Eisenstadt S. The civilizations of the Americas: The crystallization of distinct modernities. *Comparative Sociology*. 2002. Vol. 1. No. 1. P. 43–62. DOI: [10.1163/156913202317346746](#)
48. Esposito E. *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2022. 200 p. DOI: [10.7551/mitpress/14189.001.0001](#)
49. Kiser E., Cai Y. War and Bureaucratization in Qin China: Exploring an Anomalous Case. *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68. No. 4. P. 511–539. DOI: [10.1177/000312240306800402](#)
50. Mahoney J. Is Comparative Sociology Marginal within the Section? *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 36–37.

51. Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. No. 4. P. 507–548. DOI: [10.1023/A:1007113830879](https://doi.org/10.1023/A:1007113830879)
52. Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. Comparative Sociology as an Inquiry and as a Teaching Discipline: An Attempt of Comparative Analysis. *Comparative Sociology*. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 143–175. DOI: [10.1163/15691330-12341341](https://doi.org/10.1163/15691330-12341341)
53. Sewell W. Three Temporalities: Toward a Sociology of the Event. *CSST Working Paper No. 58*, 1990.
54. Smelser N. On Comparative Analysis, Interdisciplinary and Internationalization in Sociology. *International Sociology*. 2003. Vol. 18. No. 4. P. 643–657. DOI: [10.1177/0268580903184001](https://doi.org/10.1177/0268580903184001)
55. Tiryakian E. What happened to the comparative in comparative historical sociology? *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 23. No. 1. P. 3–4.
56. Wallerstein E. On Comparison. *Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and Historical Sociology Section*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 37–39.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2025; поступила после рецензирования и доработки: 10.11.2025; принята к публикации: 15.11.2025.

Received: 02.07.2025; revised after review: 10.11.2025; accepted for publication: 15.11.2025.